

Ранняя осень, сумерки.

Небо было затянуто тучами. Черные тучи, казалось, будто давят на голову. Глядя в окно, он смутно видел несколько темных и мрачных горных вершин под проливным дождем, выглядевших так, словно могли поглотить человека целиком. Внезапно раздался раскат грома и налетел свистящий шторм!

Вэнь Цзин повернулся лицом к ветру и потянулся ухватить ходящее ходуном окно, для того чтобы закрыть, его волосы беспорядочно плясали от каждого порыва. Губы его беззвучно шевелились в полном спокойствии: "Начало августа, девятый день, сумерки. Начало августа, девятый день, сумерки...."

— Цзин'эр, о чем ты бормочешь сам себе? — холодно поглядел на него Лу ЮньФэй.

Вэнь Цзин повернулся, спокойно посмотрел на Лу ЮньФэя и сказал фразу, которую тот ожидал услышать несколько лет:

— Дедушка, я поднялся на четвертый уровень Совершенствования Ци.

Глаза Лу ЮньФэя слегка блеснули, восторженный взгляд промелькнул и снова исчез. Он изобразил удивленное счастье:

— Хорошо, хорошо! Ты сделал это! Завтра дедушка отвезет тебя в город Сюнь Янь развлекаться!

Однако, говоря это, он все еще хмурил брови.

.....ах, какое сложное состояние.

Вэнь Цзин видел его колебания. Ведь одержимость - это вызов, брошенный небесам, противоестественное действие вопреки нормальному порядку вещей, и вероятность неудачи очень высока. Лу ЮньФэй боялся смерти всю свою жизнь. Почему бы ему не быть не в духе?

— Тогда я пойду лягу пораньше, — сказал он с неискренней веселостью.

—да, это хорошо. Завтра придется встать пораньше.

Вэнь Цзин повернулся и уже собирался вернуться в свою маленькую комнатку, как вдруг ощутил позади себя внезапный порыв холодного ветра. Совершенно высохшая рука, сморщенная, как мертвое дерево, легла на его плечо, как будто человеческие кости, выползшие с кладбища. Тонкие волоски на теле Вэнь Цзина встали дыбом.

— Цзин'эр, мы давно не разговаривали, почему бы нам не поболтать сегодня вечером, — мягко, даже с неким отчаянием произнёс Лу ЮньФэй.

Этому тону нельзя было сопротивляться. Тело Вэнь Цзина покрылось мурашками. Без каких-либо лучших вариантов, он сделал глубокий вдох и сел, сказав:

— Дедушка, о чем ты хочешь поговорить?

Лу ЮньФэй медленно обошел вокруг и зажег маленькую масляную лампу, его худая фигура отбрасывала длинную тень в тусклом свете.

Казалось, он размышлял о прошлых событиях, полузакрыв старые мутные глаза. Он медленно открыл рот и заговорил:

— Цзин'эр, дедушка воспитывал тебя более десяти лет, я хорошо с тобой обращался?

— Естественно, ты был добр ко мне.

— Ты знаешь, кто отец дедушки?

Тень на стене покачивалась вместе с мерцающим светом, напоминая какую-то чудовищную пугающую фигуру.

— Отец дедушки? Кто он?

— Отец дедушки, старейшина знаменитой школы Гу Цзин(1), Лу ЧжиШань! Ты о нем слышал?

Сморщенное лицо Лу ЮньФэя мгновенно смягчилось, его глаза наполнились сиянием.

Вэнь Цзин побледнел.

Такое важное дело, почему об этом не написали в книге?

В □ Бедствие Для Всего Живого □ Лу ЮньФэй всего лишь пушечное мясо. Главная история только представила его, используя всего несколько предложений, как кто-то воспитавший внука, чтобы захватить его тело. Что касается предыстории, то здесь не было ни малейшего объяснения.

Как у этого второстепенного персонажа, могло проявиться такое впечатляющее прошлое? Лу ЧжиШань - единственным из Пятерки Великих Сект, имевший небесный духовный корень древесного атрибута и даже потратившим меньше ста лет для продвижения в стадию

Формирования Ядра. И этот парень на самом деле оказался отцом старого призрака!

Глаза Лу ЮньФэя снова потускнели, явив взгляд, полный мучительного стыда:

— К сожалению, мои способности оказались слабыми. С самого рождения только три моих брата интересовали его. Он ни разу не взглянул на меня и даже не потрудился сделать мне выговор! Цзин'эр, ты можешь понять страдания дедушки?

Вэнь Цзин молча склонил голову и ничего не сказал.

— Я отказываюсь принять это, — взволновался Лу ЮньФэй. — Я тоже его сын, почему он так со мной обращается? Мой пятнадцатилетний младший брат, десятого уровня Совершенствования Ци, вызвал у него приступ гнева и упрёков, потому что по словам, у него нет будущего. Но мне было двадцать лет, и он никогда не переживал о моем уровне развития! Неизбежно наступит день, когда я прорвусь через пределы своей ци и я заставлю его пожалеть о своих действиях! Я заставлю его посмотреть на человека, которого он даже не звал по имени, как -- кха

Приступ сильного кашля прервал его слова.

Вэнь Цзин по-прежнему оставался молчалив и неподвижен.

Дрожа, Лу ЮньФэй приложил руку к груди, чтобы выудить маленькую, зловещего вида черную табличку, которая, казалось, не была сделана ни из металла, ни из дерева. В уголках его глаз стояли слезы. Морщины на его лице смягчились. Неожиданно тот вернулся к своей прежней мягкой внешности. Лу ЮньФэй мягко сжал запястье Вэнь Цзина:

— Цзин'эр, дедушка собирается кое-что сделать. Если Ейе умрет, ты должен взять эту табличку в секту Гу Цзин, чтобы найти своего дедушку. Даже если он не помнит меня, ты тоже считаешься потомком Лу, он не будет игнорировать тебя. Не говоря уже о твоих способностях.
--

Сказав это, Лу ЮньФэй жадно посмотрел на Вэнь Цзина, его глаза блуждали и слабо сияли.

Вэнь Цзин про себя усмехнулся.

Если Лу ЮньФэй успешно овладеет им, его собственная маленькая жизнь будет потеряна. Если Лу ЮньФэй потерпит неудачу в своей попытке, он просит его путешествовать в отдаленные места, чтобы передать сообщение своей семье, это также наверняка окажется его гибелью!

Он посмотрел на руку Лу ЮньФэя, на эти высохшие, похожие на ветки пальцы, выглядевшие так, словно хотели впитать в себя молодость его собственного тела.

— Цзин'эр, ты меня слушаешь?

Вэнь Цзин медленно убрал эту руку и тихо произнес:

— Страх смерти есть у всех. Теперь я, наконец, знаю причину, по которой дедушка хочет овладеть моим телом. Но я, я никогда не встречал никого столь отвратительного, как ты.

— Что ты сказал? — застыл на мгновение Лу ЮньФэй.

Вэнь Цзин уже бросился к двери и выскочил наружу, крича во всю глотку:

— Бессмертный Даос! Бессмертный Даос гэгэ2! Спаси меня! Бессмертный Даос гэгэ!

Черные тучи клубились на горизонте, горный дождь ждал своего часа, и, насколько хватало глаз, бушевала буря.

У чистого горного источника у входа в деревню стояли три человека.

Элегантный ученый в белых одеждах, с утонченным лицом, на вид лет двадцати семи - двадцати восьми. Его взгляд скользнул по местности. Поколебавшись на каменной табличке у входа в деревню, он тяжелым голосом прочитал:

— Деревня Цин Цюань... время уже позднее, сегодня ночью нам нужно будет переночевать в этой деревне.

Юноша лет семнадцати - восемнадцати, хрупкого сложения, одетый в серые одеяния, очень медленно произнес:

— Да, Старший шисюн Ин Мин.

Он стоял рядом с худощавым мужчиной в простой зеленой одежде, уже промокшей от дождя, который тихо сказал:

— Я пойду посмотрю, не согласится ли какая-нибудь семья предложить нам кров.

— Четвертый шисюн рубил дрова, последний раз, когда третий шисюн проходил мимо, — юноша в сером медленно направился к деревне, — Для кого-то вроде нас действовать таким образом, когда мы культиваторы, какова логика за всем этим?

Уголки рта молодого человека в белом дернулись: ".....Для него называть себя бессмертным, на самом деле ... бесстыдно."

Жители деревни уже вернулись домой, чтобы укрыться от дождя. В конце деревни осталось только несколько детей, глупо на них пялившихся.

В мрачных сумерках длинные волосы этих троих танцевали на ветру.

Одетый в зеленое мужчина медленно прошел мимо дверей нескольких домов, но не остановился. Он уже собрался постучать в дверь, чтобы поинтересоваться, что там, внутри, как вдруг где-то неподалеку раздался крик мальчика, пронзительный и панический, резкий и испуганный, почти отчаянный.

— Бессмертный Даос! Бессмертный Даос гэгэ! Пожалуйста спаси меня!

— Кто зовет на помощь? — растерянно сказал одетый в серое юноша.

Выражение лица одетого в белое человека изменилось, когда он быстро шагнул вперед, одной ногой распахнув дверь одного из дворов. В мгновение ока рядом появился человек в зеленом одеянии и окинул двор ледяным взглядом.

На коленях стоял мальчик, весь в грязи. Шар слабого желтого света отчаянно врывался в его тело.

— Бессмертный Даос гэгэ! Пожалуйста, помогите мне! — лицо мальчика было бледным от невыносимых страданий. Желтый бледный свет пронзал его тело, подобно мечу.

— Одержимость! — воскликнул юноша в сером, все еще спокойный и неторопливый.

Тут же чьи-то руки призвали белый свет. Удар застал слабый желтый шар света врасплох.

В тишине, не останавливаясь, два шара света боролись друг с другом, вызывая великолепную ауру, освещающую окрестности в дневное время. Внезапно аура исчезла и рассеялась, как будто сила, поддерживающая ее, исчерпалась.

Лицо Вэнь Цзина было совершенно грязным, со лба капал холодный пот. Краем глаза он видел медленно коченеющий труп старика с кинжалом в животе.

Едва спасся.....

Мужчина в зеленых одеяниях, чья одежда полностью промокла от дождя, медленно вошел и

коснулся трупа старика:

— Он совершил самоубийство, чтобы его смерть породила изначальный дух с намерением овладения.

— Кто этот человек? — взглянул он на Вэнь Цзиня.

Вэнь Цзин тупо на него посмотрел.

Дождь капал на лицо мужчины в зеленом. Его взгляд был наполнен льдом. У него были безжалостные тонкие губы, и, казалось, от него исходил скрытый холодок. Однако врожденное ощущение от его присутствия проявлялось подобно весеннему ветерку. Этот человек, казалось, приносил с собой немного тепла и превратил ужасный двор во что-то более мягкое.

— Ты..... — Цзюнь ЯньЧжи?

1. Гу Цзин — древнее зеркало.

2. Гэгэ — старший брат.

3. Шисюн — старший собрат ученик мужского пола.

<http://bllate.org/book/15017/1327239>